

И. Мянговска

ПЕРЕПИСКА ВЛАДИСЛАВА БРОНЕВСКОГО И ИРЕНА ГЕЛЬМАН: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Переписка польского поэта и переводчика русской литературы Владислава Броневского с его близкой подругой Иреной Гельман относится к 1930-м гг. и содержит около 60 писем. Анализ эпистолярия помогает уточнить представления об эстетических, политических, исторических взглядах Броневского в тот период, пролить свет на некоторые стороны литературной жизни 1930-х гг. в Польше и СССР, на взаимоотношения польских и советских писателей, также анализ дополняет наше представление о биографии и личности поэта. Особый интерес представляют содержащиеся в письмах отзывы Броневского о русских писателях.

Having analyzed fifty-seven letters of the Polish poet Wladyslaw Broniewski and seven letters of Irena Gelman, the author explores the historical and cultural context as well as the poetic vision of the correspondents. Additionally, these letters bear testimony to their romantic feeling. The authors of the letters knew and appreciated Russian literature, which was one of the subject matters in their letters, and valued both classical Russian literature and the literature of the time. In their letters, both Broniewski and Gelman often used Russian words and phrases, which reinforced the context created by these reputable writers. The analysed letters of the 1930s are of particular interest because they contain little known biographical facts of the poet and translator Wladyslaw Broniewski.

Ключевые слова: переписка, историко-культурный контекст, духовные искания, русская литература, эпистолярный текст, перевод.

Keywords: correspondence, historical and cultural context, spiritual restlessness, Russian literature, epistolary text, translator.

Биография Владислава Броневского (1897–1962) — польского поэта и переводчика — была сложной и трагической. Сравнительно молодым человеком он участвовал в Первой мировой войне (этот опыт отражен в его дневнике 1918–1922 гг. [5]). После войны окончил Варшавский университет, с середины 1920-х неизменно участвовал в литературной жизни Польши, поддерживал идеи «пролетарской поэзии». Тем не менее после 1939 г. его не миновали преследования, Броневский 13 месяцев провел на Лубянке, затем в тюрьмах Саратова и Алма-Аты и вышел на свободу только после заключения договора Сикорского — Майского. Броневский нашел свое место в созданной на территории СССР польской армии под руководством генерала В. Андерса [7; 18]. Вместе с эвакуированной армией он был в Иране и Палестине, а после возвращения на родину искренне увлекся социалистическим строительством [21]; трижды его отмечали государственными наградами (1950, 1951 и

1955 г.) [17, s. 315]. Биограф Мариуш Урбанек характеризует судьбу Броневского как «многократно надломленную» [6]¹ политическими метаниями, запутанными личными отношениями, алкоголем. И все-таки жизнь Броневского — это путь трагического поэта, в котором искусство, история и человеческая страсть слиты в неразрывное целое.

В 1933 г. Владислав Броневский встретил Ирену Гельман, 22-летнюю студентку Варшавского университета, и между ними завязался роман. Броневский был старше своей подруги на 14 лет, он уже состоялся как поэт, был мужем и отцом [8]. В 2013 г. Дариуш Пахоцки, сотрудник Католического университета им. Иоанна Павла II в Люблине, издал переписку Броневского с Гельман, хранящуюся в музее Владислава Броневского в Варшаве [9]. В эпистолярной преобладают письма поэта молодой любовнице, их 57, ответных писем Ирены — всего 7 [9, s. 211]. Тридцатые годы — малоисследованный период биографии Броневского, поэтому его переписка с Иреной Гельман интересна не только как свидетельство отношений двух людей. Важны ее историко-культурный контекст и свидетельства о политических воззрениях поэта, которые к тому времени успели коренным образом измениться.

Броневский и Гельман познакомились в Срюдборове, где Ирена работала учительницей. Первое послание поэта, датированное 14 марта 1933 г., возвышенно и поэтично, оно одухотворено вспыхнувшим взаимным чувством. Из письма можно понять, что роман начался недавно. «Мы вместе выдумали весну и, вероятно, от этого погибнем», — пишет Броневский. Поэт говорит о голубизне неба, под которым не жаль умереть, но тут же продолжает: «Зачем умирать? Не лучше ли заниматься весенней грамматикой: я люблю, ты любишь, он любит и так далее» [9, s. 45].

В течение всего 1933 г. Броневский пишет часто, в письмах высказываются мечты о будущих встречах, часто повторяются простые признания: «я влюбился в тебя, как подросток» или «просто я пьян — тобой и весной» [9, s. 46, 47]. Выражением любви становится и стихотворение без заглавия, завершающееся словами:

Целую твои глаза, маленькая... будь здорова.
Знаешь ли ты, что я тебя очень люблю
В этом письме в Срюборово?

Под письмом от 15 марта 1933 г. [9, s. 47] Броневский ставит инициал «W.» и после точки дописывает «ariat». *Wariat* — по-польски *сумасшедший* (имеется в виду — от любви). В мартовских письмах 1933 г. (14, 15, 17, 20, 22 и 24 марта) проявляется эмоциональная и сентиментальная натура поэта. Сейчас в нем трудно узнать того человека, который сражался в легионах Ю. Пилсудского, прошел Лубянку и куйбышевскую тюрьму².

¹ Здесь и далее перевод всех цитат мой. — И.М.

² О пребывании Броневского в Куйбышеве обстоятельно писал Ю. Чапски в своей книге «На нечеловеческой земле» [7, s. 199–201].

Любовь Броневского, однако, встретила с препятствиями бытового и семейного характера. Ирена происходила из еврейской купеческой семьи. До 1923 г. Гельманы жили в Москве, затем перебрались в Польшу. После смерти отца семья оказалась в крайне тяжелых материальных условиях, и Ирена не смогла завершить учебу в Варшавском университете, она работала, чтобы поддерживать семью. Мать и брат не поощряли ее знакомство с Броневским.

Конечно, это знакомство вызвало драматический разлад и в его собственной семье. Жена поэта Янина и дочь Анна (Иоанна) знали о происходящем, а Янина даже виделась с любовницей мужа. Поэт не мог отважиться на развод из-за любви к дочери, а семья Ирены, храня верность обычаям предков, осуждала ее скандальный роман [2, s. 193, 199]. Считая свою жену человеком снисходительным, поэт, однако, пишет любовнице о жене как о женщине обиженной и подлинно страдающей [9, с. 82]. «...Тяжелее всего Янце (ласкательное от имени Янина. — И. М.), но и нам не легче» [9, с. 85], — горестно констатирует он в письме от 21 октября. Постоянным мотивом писем Броневского также является забота о дочери, о ее будущем, мысли о своей отцовской роли в ее жизни.

Броневского угнетали материальные заботы: он беспокоился не только о своем положении, но и о благополучии Ирены Гельман, которая рассчитывала на денежную поддержку друга. Безденежье, любовь к дочери, отсутствие возможности свободного творчества и развития стали, на наш взгляд, причинами разрыва любовной связи. В последнем письме, от 9 мая 1934 г., поэт говорит о своей «раздвоенности» и желании «упорядочить личные отношения, найти в них гармонию и... возможность для работы и развития» [9, s. 210]. Письмо завершается просьбой: «Не будь на меня в обиде. Целую Твои руки». В конце письма две первые буквы имени поэта: Wl. Далее стоит приписка, которая, на наш взгляд, важнее самого письма: «Жить буду при Анке». Янина понимала, что возвращением мужа она обязана дочери. Броневский был прощен. Впрочем, отношения с женой так и не восстановились, Янина покинула мужа весной 1938 г. [15, s. 104, 105].

Интересен историко-культурный контекст писем. Оба корреспондента — и Броневский, и его подруга — своей судьбой так или иначе связаны с Россией, обоих затронули смуты пореволюционного времени, оба владели русским языком.

Ирена Гельман родилась в 1911 г. Вскоре ее семья переехала в Москву, где прожила до 1923 г. Пахоцкий приводит текст автобиографии, которую Ирена направила в Варшавский университет [9, s. 9]. Из нее известно, что отец Ирены во время Польско-советской войны 1920 г. преследовался советскими властями и полтора года провел в тюрьме («w Czerezwyszaj» — «чрезвычайке»). После возвращения в Польшу он застал свое имение разоренным и вынужден был работать, что стало причиной ухудшения его здоровья и последующей смерти.

Владислав Броневский принимал участие в войне 1920 г., был награжден орденом «Виртути Милитари» и четырехкратно — «Кре-

стом храбрых» [5; 12]. Однако политическая позиция Броневского была противоречивой, отмечает М. Урбанек. Его эмоциональная натура и ищущий разум не позволяли ему остановиться на одной раз и навсегда найденной идее [24]. В межвоенный период симпатии Броневского стали обращаться к пролетарской культуре. Одновременно он стал все больше интересоваться жизнью Советского Союза, в том числе писательской. После 1945 г. у него не оказалось противоречий с властями социалистической Польши. Новые симпатии повлияли на литературную и культурную деятельность Броневского, который стал известен как переводчик русской поэзии — В. Маяковского, А. Блока, С. Есенина, Б. Пастернака [25].

В 1934 г. поэт посетил Москву, Харьков и Ленинград, и эта поездка довольно полно отражена в письмах, которые он отправлял своей молодой подруге. Первое «русское» письмо датировано 16 марта 1934 г. и послано из Москвы [9, s. 191–192]. Поэт рассказывает о встречах со старыми друзьями, в том числе с Б. Пильняком, с которым Броневский виделся перед этим во время поездки русского писателя в Польшу в 1931 г. Тогда Броневский взял у Пильняка интервью [19, s. 1]. В письме упоминается и о посещении московских театров. Броневский кратко, но положительно отзываясь об увиденных спектаклях: «Чужой ребенок», «Оптимистическая трагедия», «Борис» [9, s. 192].

Письмо от 21 марта 1934 г. написано уже из Харькова. Оно выдержано в оптимистическом, приподнятом тоне: поэт впечатлен городом, но еще больше — гостеприимством писательской организации [9, s. 193]. «Ты себе не представляешь, как живет здесь писателям» [9, s. 193], — восклицает Броневский и описывает материальные условия, созданные для него в СССР: апартаменты, торжественные приемы, писательские банкеты. О впечатлении свидетельствуют слова из письма:

По сравнению со всем увиденным и почувствованным пустыми кажутся мне все эти варшавские дела и скандалы. Мне не хочется думать о них, и я уверен, что жизнь сама все распределит так, как положено [9, s. 193].

Здесь же Броневский сообщает о двух издательских договорах. Рассказывает он и о посещении театров, но замечает, что они хуже московских, да и сам город называет провинциальным. В письме от 10 апреля 1934 г. Броневский сообщает, что побывал на Украине, в Крыму и Грузии — и везде его сопровождал «большой личный успех» [9, s. 196]. Десятого апреля из Москвы он отправляет телеграмму о возвращении из Грузии [9, s. 197].

Следующее письмо Броневский посылает из Москвы 15 апреля 1934 г. Оно является ответом на письмо Ирены, в котором подруга, вероятно, затрагивала волнующие ее вопросы личных отношений: «Твой план жить вместе сразу же после моего возвращения считаю рискованным и сложным в осуществлении» [9, s. 203]. Поэт оправдывается своей любовью к дочке и различными обстоятельствами, связанными с женой. Далее — вновь о ежедневном посещении московских театров. Есть в пись-

ме и упоминания экскурсий другого рода: Броневскому показывали промышленные предприятия и стройплощадки — символы успехов советского государства. Поэт признается, что его сильно впечатлил «Днепрострой и вообще стройки» [9, s. 206], рассказывает о посещении автомобильного завода и даже о посещении заводского спортивного бассейна. Из всех увиденных городов больше всего поразил писателя Ленинград (письмо от 25 апреля 1934 г. [9, s. 207]).

Переписка Броневского с Иреней Гельман насыщена литературными переключками и цитатами, погружена в пространство русской словесности и культуры. Уже в первом письме И. Гельман появляется строка из стихотворения Б. Пастернака, посвященного Ларисе Рейснер: «ширйя над мыслями моими» (у Пастернака — «ширйя, как высь, над мыслями моими» [22, с. 246]). Мотго письма Броневского от 15 марта 1935 г. заимствовано из стихотворения С. Есенина «Вот оно глупое счастье...», которое публиковалось по-польски в переводе Броневского [4, s. 37]. В письмах от 18 октября и 12 ноября 1933 г. писатель упоминает о своем переводе «Цусимы» А. Новикова-Прибоя [9, s. 79; 10; 11]. Ирена же подсказывает ему мысль перевести «Поднятую целину» М. Шолохова [9, s. 94]. Несколько раз возникает вопрос о посылке книг. В частности, Броневский отправляет Ирине книгу Александра Герцена с припиской: «Думаю, что она по твоему вкусу, напомнит то, что ты любишь у Толстого, и побудит к поиску второго тома, которого у меня нет и который я не читал. Вскоре пришлю тебе другие книги. Завтра отправлю советский номер “Литературных ведомостей”» [9, s. 87]³.

Ирена Гельман иногда использовала русские фразы или слова. К примеру, в письме от 28 октября 1933 г. появляются выражения «Кузька», «эта несчастная девочка», «весьма резонно», «не пилили бы вы ее так...» — при передаче слов Раи, знакомой семейства Гельман [9, s. 94]. Ирена уговаривает поэта прочесть номер 8 журнала «Красная новь» и восхищается некоторыми произведениями, вошедшими в советский выпуск «Литературных ведомостей», в том числе переведенной Броневским новеллой Б. Пильняка, стихотворением Б. Пастернака и двумя переводами Ю. Тувима [1, s. 9; 13, s. 9; 14, s. 1]. По высказываниям Ирены Гельман можно судить о ее литературном вкусе. Она пишет, что Пильняк — «возможно, единственный русский крупномасштабный писатель... если бы он не родился в России, а где-то в другом месте — также был бы замечательным писателем. А так, вообще никто из писателей не сравним с Толстым, Достоевским и Чеховым» [9, s. 95]. Здесь же Ирена благодарит Броневского за подаренную книгу Герцена.

Интересно, что этот подарок имел свою предысторию. В письме от 31 октября 1933 г. заходит речь о «тенденциозности» и отношениях художника и тоталитарного общественного режима, Броневский отвергает подозрение в сервильности и подчеркивает, что для него очень важ-

³ Имеется виду журнал: „Wiadomości Literackie”, 1933, № 47 [20]. Номер был целиком посвящен культуре советской России.

на внутренняя непокорность. В связи с этим поэт вспоминает, как в 1931 г. он два месяца провел под арестом на улице Даниловичовской и как просил жену передать ему в камеру книги Герцена, Пастернака и русский словарь [9, s. 104]⁴.

Перед поездкой Броневского в СССР Ирена предлагала сопровождать его в качестве секретарши и рассказывала о своих кузенах в Москве, употребляя в письмах много русских фраз и предложений [9, s. 112–113]. Броневский тоже иногда прибегал к фразам на русском языке, как, например, в письме от 7 ноября: «Не унывай, ласточка моя» [9, s. 121]. Русский язык постоянно возникает на страницах переписки. В письме от 13 ноября Ирена рассказывает о знакомстве с Э. Генниг-Михаэлисом, генералом артиллерии царской армии, называя его «обаятельным» человеком, ценящим «Войну и мир» и обожающим творчество Тургенева [9, s. 28–29], при этом речь генерала она характеризует русским выражением «изысканные любезности». Броневский иногда использует русские слова в польской транслитерации, как, например, в письме от 21 ноября 1933 г. — «злополучного» («złopolucznego») [9, s. 147].

Поэт рассказывает Ирине о своих творческих успехах. Варшавский издатель Игнатий Линденфельд предложил поэту перевести Бунина, и, пользуясь случаем, Броневский спрашивает, может ли он этот перевод оставить у нее на время своего отсутствия [9, s. 169]. Из письма поэта от 6 декабря 1933 г. можно узнать о новом его стихотворении, изданном вместе с другим в литературном журнале Мечислава Грыцзевского, который известен как издатель знаменитого ежемесячника «Скамандр», а затем, в 1924 г., «Литературных ведомостей» [3, s. 7].

Через несколько дней (11 декабря) Броневский сообщает: «Сегодня утром я читал все, связанное с биографией Пушкина. Занимательное чтение и для меня чрезвычайно интересное» [9, s. 174].

Некоторые факты творческой биографии Броневского открываются благодаря их упоминанию Иреной Гельман. Так, из письма от 16 декабря 1933 г. мы узнаем, что перевод «Цусимы» отрывками публиковали в журналах (Гельман радуется этому как дополнительному заработку) [9, s. 182]. Нуждаясь в деньгах, Броневский соглашался на публикацию переводов без указания фамилии переводчика. В частности, журнал «Вооруженная Польша» на таком условии взял у Броневского отрывок из «Цусимы» за 800 злотых, о чем поэт сообщает Ирине в письме от 17 декабря 1933 г. [9, s. 186]. У Ирены самой было много литературных и околослитературных планов, в частности, она писала новеллы, о чем сообщает в письме от 16 декабря 1933 г. [9, s. 182].

Письма Броневского и Гельман — источник чрезвычайно насыщенный, на страницы их переписки выплескивалось чувство, здесь отражался быт, запечатлелось переживание исторической действительности. В эпистолярной содержится ценная фактура литературной и част-

⁴ Об этом обстоятельно в 49-й сноске пишет автор комментариев к письмам Д. Пахоцки [9].

ной жизни 1930-х гг. Перед нами раскрывается сложная, противоречивая судьба поэта, его диалог с историей и судьбой. Драматическим мотивом отразились в письмах душевные метания поэта, разрывающегося между любовью к дочери Анне и страстью к Ирене. Броневского и Гельман сближает любовь к русской литературе, знание русского языка, поэтому «русская тема» звучит в их переписке. Мы видим, как поэт осознанно и благодарно воспринимает литературу России, как, переводя Достоевского, Толстого, Гоголя или Чехова, он осмысливает пережитое — тюрьму, борьбу, жизнь вне родины. Переписка Броневского и Гельман — документ человеческих отношений своего времени, показывающий, как люди с позиции той эпохи осмысливали прошлое и оценивали настоящее и как смотрели в будущее.

Список литературы

1. *Biezymienski A. Dnieprostroj, Swietlow Michał. Grenada /* przeł. J Tuwim // *Wiadomości Literackie. 1933. №47. S. 9.*
2. *Broniewska J. Maje i listopady. Warszawa, 1967.*
3. *Broniewski W. Magnitogorsk albo rozmowa z Janem; Miasto rodzinne // Wiadomości Literackie. 1933. №55. S. 7.*
4. *Broniewski W. Moje przyjaźnie poetyckie. Warszawa, 1960.*
5. *Broniewski W. Pamiętnik / opr. z rękopisu, wstęp i komentarz M. Tramer. Warszawa, 2013.*
6. *Urbanek M. Broniewski miłosc-wodka-polityka: [recenzja] // Cultura.pl: [сайт]. URL: <http://culture.pl/pl/dzielo/mariusz-urbanek-broniewski-milosc-wodka-polityka> (дата обращения: 27.01.2018).*
7. *Czapski J. Na nieludzkiej ziemi. Kraków, 2001.*
8. *Lichodziejewska F. Twórczość Władysława Broniewskiego. Warszawa, 1973.*
9. *Listy Władysława Broniewskiego i Ireny Helman. Broniewski w potrzasku uczuć / wstęp, opracowanie i przypisy Dariusz Pachocki. Kraków, 2013.*
10. *Nowikow-Priboj A. Cuszima / przeł. W. Broniewski. Warszawa, 1934.*
11. *Nowikow-Priboj A. Pancernik «Orzeł» w bitwie / przeł. W. Broniewski // Wiadomości Literackie. 1934. №1. S. 1–2.*
12. *Olszewska M. Władysław Broniewski // Cultura.pl: [сайт] URL: <http://culture.pl/pl/tworca/wladyslaw-broniewski> (дата обращения: 27.01.2018).*
13. *Pasternak B. Łódź w r. 1905 / przeł. W. Broniewski // Wiadomości Literackie. 1933. №47. S. 9.*
14. *Pilniak B. Sprawa śmierci / przeł. W. Broniewski // Wiadomości Literackie. 1933. №47. S. 1.*
15. *Urbanek M. Broniewski. Miłość, wódka, polityka. Warszawa, 2011.*
16. *Urbankowski B. Czerwona msza czyli uśmiech Stalina. Warszawa, 1995.*
17. *Urbankowski B. Czerwona msza czyli uśmiech Stalina. Warszawa, 1998. T. 2.*
18. *Wat A. Mój wiek. Warszawa, 1990.*
19. *Wiadomości Literackie. 1931. №7. S. 1.*
20. *Wiadomości Literackie. 1933. №47.*
21. *Broniewski. Miłość, wódka, polityka: [recenzja]. URL: <http://iskry.com.pl/biografia/66-broniewski-978832440184040.html> (дата обращения: 07.02.2018).*
22. *Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1989. Т. 1.*
23. *Фесенко О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №23. С. 132–143.*

24. *histmag.org* : [сайт]. URL: <https://histmag.org/Mariusz-Urbanek-Broniewski.-milosc-wodka-polityka-recenzja-red.Michal-Przeperski> (дата обращения: 27.01.2018).

25. *Władysław Broniewski* // *Cultura.pl* : [сайт]. URL: <http://culture.pl/pl/tworca/wladyslaw-broniewski> (дата обращения: 27.01.2018).

26. *MG* : [сайт издательства]. URL: <http://www.wydawnictwomg.pl/broniewski-w-potrzasku-uczuc/> (дата обращения: 27.01.2018).

Об авторе

Иоанна Мяновска — д-р филол. наук, проф., Университет им. Казимира Великого в Быдгоще, Польша.

E-mail: miano@wp.pl

The author

Prof. Joanna Mianowska, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland.

E-mail: miano@wp.pl